DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.1.04
УДК 277.4:316.4.063.7(470.53)

ДЕЛО АНТИСОВЕТСКОЙ БАПТИСТСКОЙ ГРУППЫ В ЩУЧЬЕ-ОЗЕРСКОМ РАЙОНЕ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МАССОВЫХ ОПЕРАЦИЙ 1937–1938 ГОДОВ

А.А. Колдушко

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 21 января 2021 г.
Принята: 24 февраля 2021 г.
Опубликована: 15 апреля 2021 г.

Ключевые слова:

сталинизм, политические репрессии, массовые операции, кулацкая операция, немецкая операция, этнизация, Прикамье, 1930-е годы, репрессии против немцев.

АННОТАЦИЯ

Массовые репрессивные операции 1930-х годов, безусловно, остаются одной из актуальных тем для исследования. На современном этапе развития исторической науки ключевым направлением является исследование массовых операций 1930-х годов по кулацкой и национальной линиям (польской, немецкой и др.) и локальных особенностей их проведения. В последнее время историки уделяют большое внимание внутренней логике и механизмам осуществления массовых репрессивных акций. Можно сказать, что фокус исследований смещается в микроисторическое поле: к личностям, пострадавшим от репрессий, к небольшим поселениям, в которых наиболее массово происходили аресты. Такой подход позволяет увидеть важные детали и особенности, которых мы не найдем в обобщающих трудах, посвященных массовым операциям 1930-х годов: речь идет об искажении центральных директив на местах, влиянии локальной специфики и проч.

Предпринята попытка определить и изучить специфику этноконфессионального аспекта массовых операций на примере дела антисоветской баптистской группы в Щучье-Озерском районе Пермской области. Цель работы состояла в выявлении и анализе направлений репрессивных акций на примере этого дела, изучении роли этнических и конфессиональных факторов в ходе проведения массовых операций в местах компактного проживания немцев. В качестве методологического инструментария исследования использовались как нарративные, так и традиционные аналитические методы: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический. Основными источниками, на которые опиралась автор, стали письменные источники, входящие в состав архивно-следственных дел: анкеты арестованных, протоколы допросов, обвинительные заключения, материалы судебных заседаний и проч.

В результате автором было выделено несколько направлений, или сюжетных линий, дела антисоветской баптистской группы в Щучье-Озерском районе Пермской области: шпionская, кулацкая, этническая и конфессиональная; реконструирована внутренняя логика ведения дела, показано, как в результате политической конъюнктуры смещались акценты обвинений, а также влияние стихийных факторов на итог судебного процесса.

© ПНИПУ

© Колдушко Анна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5478-6545>, e-mail: koldushko@mail.ru.

© Anna A. Koldushko – Candidate of Sciences in History, Associate Professor,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5478-6545>, e-mail: koldushko@mail.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

THE CASE OF ANTI-SOVIET BAPTIST GROUP IN SHCHUCHYE-OZERSK DISTRICT OF PERM REGION: AN ETHNO-CONFESSIONAL ASPECT OF MASS OPERATIONS IN 1937-1938

Anna A. Koldushko

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 21 January 2021
Accepted: 24 February 2021
Published: 15 April 2021

Keywords:

stalinism, political repression, mass operations, Kulak operation, German operation, ethnization, Kama region, 1930s, repression against the Germans.

ABSTRACT

Mass repressive operations of the 1930s are really remained one of the most relevant topics for research. At the present stage of development of historical science, key attention is paid to the direction of mass operations of the 1930s-Kulak, national lines (Polish, German, etc.), and the identification of local features of their realization. Recently, historians have paid great attention to the implementation of the internal logic and mechanisms of mass repressive actions. We can say that the focus of research is shifting to the micro-historical field: to individuals who suffered from repression, to small settlements in which arrests were especially widespread. This approach allows us to see important details and features which could not be found in the generalized works devoted to mass operations of the 1930s: distortions of central directives on the ground, the influence of local specifics, and so on.

In this study the author has made an attempt to determine and analyze the specifics of ethno-confessional aspect of mass operations by the example of the case of the anti-Soviet Baptist group in the Shchuchye-Ozersk district of Perm region. The aim of the work was to identify and analyze the directions of repressive actions by the example of this case, to study the role of ethnic and confessional factors in the course of mass operations in places of compact residence of Germans. Both narrative and traditional analytical methods were used as methodological tools of the research: historical-genetic, historical-comparative, historical-typological. The main sources the author relied on were the written ones which were included in archival and investigative cases: questionnaires of arrested persons, interrogation protocols, indictments, materials of court sessions, etc.

As a result, the author identified several areas, or storylines, of the case of the anti-Soviet Baptist group in Shchuchye-Ozersk district of Perm region: espionage, Kulak, ethnic and confessional; the internal logic of the case was reconstructed, it has been shown as accusation accents shifted due to the influence of political conjuncture, also the author has mentioned the influence of natural factors on the outcome of the trial.

© PNRPU

В рамках репрессивных операций 1937–1938 годов особое место занимают национальные операции, или, как их называли следователи НКВД на профессиональном жаргоне, «операции по инобазе». Одной из характерных черт национальных операций является то, что их внутренняя логика трудно поддается реконструкции: в ней сплетались в причудливый узел и кулацкое прошлое, отсылающее нас к так называемой «кулацкой операции», и «шпионская линия», и «сектантство» и др. В статье речь пойдет об одном из аспектов реализации «немецкой операции» – этноконфессиональном, который в последнее десятилетие активно обсуждается историками. Дискуссии западных исследователей нашли свое отражение в тематических номерах журнала *Slavic Review* [1–3], при этом большинство авторов считает национальные операции этническими чистками. Другой позиции придерживается немецкий историк М. Юнге, который настаивает на необходимости поиска социальных, а не национальных причин репрессий [4]. Отечественный исследователь А. Савин предпринял попытку сравнительного анализа аргументов «за» и «против» тезиса этнизации сталинизма, сделав вывод о том, что применительно к разным группам немцев этот тезис работал неодинаково [5, с. 60].

Разнообразие исторических источников, используемых в исследовании, определяется составом архивно-следственных дел. Большинство из них, особенно те, что прекращены за отсутствием состава преступления, содержат довольно скудный перечень документов: постановление об избрании меры пресечения, ордер на арест, анкета арестованного, протоколы до-

просов и др. [6,7]. На этом фоне особенно выделяется архивно-следственное дело М.И. Еске, содержащее кроме вышеперечисленных документов протокол обыска, справку из сельского совета, протоколы допросов свидетелей, передпросы свидетелей, протокол судебного заседания, жалобы и проч. [8]

Согласно данным справочника «Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г.», местами компактного проживания немцев на территории Щучье-Озерского района считались несколько деревень: 1-я Николаевка, Романовка, Сергеевка и хутор Эске, в которых на момент переписи населения 1926 года проживало 312 немцев [9, с.79]. В конце 1920-х – начале 1930-х годов в Щучье-Озерском районе появляется еще одна деревня – Найдорф, получившая официальное русское название Найдоровка [10, с. 39]. Эти поселения стали удобной мишенью для проведения арестов в рамках массовых национальных операций (табл. 1).

Таблица 1

Количество арестованных немцев
в Щучье-Озерском районе [Подсчитано по: 11]

Название деревни	Количество арестованных
1-я Николаевка	5
2-я Николаевка	16
Сергеевка	9
Романовка	13
Найдорф	9
Екатериновка	1
Ильметьево	2
Чад	1
Всего	56

Хронологически аресты в рамках «немецкой операции» были проведены в два этапа: 44 человека были арестованы в один день – 26 февраля 1938 года, 9 человек – 15–17 марта, единичные аресты продолжались в марте и июле, однако почти все постановления об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения были выписаны 25–26 февраля 1938 года. Вероятно, изначально массовые аресты планировались как один из этапов «немецкой национальной операции», поскольку всем арестованным было предъявлено обвинение в шпионаже.

Таблица 2

Приговоры в отношении немцев, проживавших
на территории Щучье-Озерского района [Подсчитано по: 11]

Приговоры	Количество	
	абс. ч.	%
Дело прекращено	45	80,4
ВМН	2	3,6
10 лет	4	7,1
8 лет	1	1,8
5 лет	3	5,4
3 года	1	1,8
Итого	56	100,0

Как видно из данных табл. 2, высшая мера наказания была применена к двум арестованным – Э.А. Бранту и В.А. Гуткнехту, которые были расстреляны по приговору Особой тройки

ГУГБ НКВД СССР по «немецкой линии». Архивно-следственное дело Э.А. Брант содержит всего несколько документов: постановление об избрании меры пресечения от 25 февраля 1938 года, протокол допроса от 29 марта 1938 года, выписка из протокола допроса обвиняемого Р.Р. Яхно от 1 апреля 1938 года, обвинительное заключение и выписка из протокола заседания Особой тройки ГУГБ НКВД СССР от 31 мая 1938 года. Причем обвинительное заключение было подписано «задним числом», в июле 1938 года. На этом же заседании «двойки» к высшей мере наказания был приговорен и В.А. Гуткнехт.

К различным срокам заключения было приговорено 9 человек (от 3 до 10 лет). По сравнению с общими данными¹ по арестам, проведенным в целом по «немецкой линии» в Прикамье, количество прекращенных дел в Щучье-Озерском районе составило более 80 %.

Скорее всего, высокий процент освобожденных объясняется тем, что в мае 1938 года начальник УНКВД Д.М. Дмитриев, являвшийся главным инициатором разоблачения «шпионских сетей», был смещен с должности, а спустя месяц арестован. Этот факт вызвал замешательство среди работников УНКВД по Свердловской области, парализовавшее дальнейшую деятельность, тем более что вскоре последовали аресты ближайших соратников Дмитриева. В свою очередь, большая часть следственных дел на некоторое время «повисла в воздухе». Новая команда следователей, пришедшая на смену команде Дмитриева, была осторожнее: проводились многочисленные передопросы обвиняемых и свидетелей, в ходе которых часто обвиняемые, поняв, что ситуация изменилась, отказывались от данных ими ранее показаний (рисунок).

Рис. Динамика прекращения следственных дел в 1938–1939 годах

Данные диаграммы 1 указывают на два хронологических всплеска – в августе и декабре 1938 года. Так, в первую очередь, в августе-сентябре 1938 года, были освобождены женщины, а далее, с декабря 1938 по февраль 1939 года – мужчины.

Согласно данным архивно-следственных дел, участниками баптистской группы были названы М.И. Еске, Ф.И. Еске, А.А. Гуткнехт, Б.Г. Ратор, А.Ю. Дельгас, А.Ф. Штоль, В.Б. Янке, Э.Ю. Шильберт, Э. Кимост, Г. Браткранц, Г. А. Кельм [12, л. 34–37]. Однако анализ данных показал, что четверо из них (А.А. Гуткнехт, В.Б. Янке, Э.Ю. Шильберт, Э. Кимост) не были даже арестованы. Так, данных об аресте В.Б. Янке найти не удалось, хотя он упоминается в документе 1940 года как «немецкий шпион» и «является активным фигурантом аг<ентурной>

¹ Общее количество прекращенных дел в Прикамье по «немецкой операции» составило 53,7 % [Подсчитано по: 11].

разработки «Ползуны» [13, л. 39]. Еще четверо фигурантов (Б.Г. Ратор, А.Ю. Дельгас, А.Ф. Штоль, Г.А. Кельм) были освобождены за отсутствием состава преступления. И только двое – Мануил Иванович Еске и Федор Иванович Еске были осуждены.

В деле М.И. Еске имеются восемь протоколов допросов свидетелей, при этом одним из свидетелей подчеркивается, что с немцами в деревне отношения складывались довольно напряженные: П.П. Лужбин проговорился, что «немцы в общении с русскими были сдержанны и недоверчивы» [14, л.14].

Расследование по делу М.И. Еске, в ходе которого принципиально менялся характер обвинений, длилось более двух лет. Сценарий «немецкой операции» следователями НКВД строился изначально по общей схеме: первый допрос с обвинениями в участии в контрреволюционной диверсионно-повстанческой организации и шпионаже, признание обвиняемого, «изобличение» несколькими показаниями других арестованных и скорый суд. Дело М.И. Еске первоначально расследовалось в рамках «шпионской линии», позднее было переквалифицировано на обвинение в антисоветской агитации.

Еске Мануил Иванович был арестован 26 февраля 1938 года. Щучье-Озерским районным отделом НКВД как участник контрреволюционной организации. Протокол первого допроса, состоявшегося спустя месяц после ареста, содержит признание М.И. Еске в том, что он был завербован в 1935 году участником организации Дельгас А.Ю. [14, л. 5]. Далее в допросах следует длительная пауза: следующий вызов состоялся только спустя полгода и включал вопросы, направленные на выяснение его связей: есть ли родственники за границей, проживал ли когда-нибудь за границей и проч. Вопросы об участии в контрреволюционной организации более не задавались, а интерес следователя сфокусировался на итогах коллективизации.

По показаниям свидетеля М.А. Ахмулина, председателя сельского совета, общее собрание жителей села 1-я Николаевка и 2-я Николаевка постановило в колхоз не вступать, а направить делегата в Москву, которым был выбран Браткранц Густав [15, л. 10]. Что делал Браткранц в Москве, доподлинно неизвестно, но, по слухам, он побывал в германском посольстве и просил помощи, в первую очередь материальной. После возвращения делегата, опять же по слухам, Германия незамедлительно стала оказывать помощь советским немцам, которая выражалась в посылке денежных средств. Так в деле М.И. Еске появляется вторая сюжетная линия, связанная с получением финансирования из Германии.

Из этого же протокола допроса Ахмулина мы узнаем, что «Еске Мануил Иванович немец 1-й и 2-й Николаевки собирал у себя на квартире и справлял религиозные обряды, читал религиозные книги и вел агитацию против колхозов, мотивируя, что настанет антихристово время и все колхозы развалятся» [15, л. 10 об.]. Заключительной частью показаний Ахмулина стало обвинение Еске в эксплуататорстве и спекуляции [15, л. 11 об.]. Таким образом, в деле появляется несколько новых сюжетов: противодействие коллективизации («кулацкая линия»), получение помощи от Германии и руководство религиозной баптистской группой.

На первый взгляд мы видим довольно распространенный сценарий ведения следствия, который использовался при проведении так называемой «кулацкой операции». Так, например, германский историк М. Юнге считает, что в качестве обвинительной базы в ходе «кулацкой операции» использовалась справка из сельского совета [16, с. 613–623]. Основным свидетелем по делу М.И. Еске проходил М.М. Штайн², который, по-видимому, имел какие-то личные счета с Еске. Согласно этим показаниям, «Еске Мануил Иванович – кулак, с 1929 года был лишен избирательных прав, в течении длительного периода держал батраков, в хозяйстве имел

² В деле встречаются два варианта написания фамилии: Штайн и Штейн, что связано с разницей написания и произношения в немецком языке (Прим. – А.К.).

2 лошади и 5–6 коров. Кроме того спекулировал скотом вплоть до 1933 года, имел большие связи с крупными спекулянтами, которые приезжали к нему <...> на квартиру. Преимущественно закупленный скот Еске сдавал в г. Кунгур и Свердловск. Облагался индивидуальным налогом, ставился вопрос о раскулачивании в 1931 году, но для меня непонятно почему был этот вопрос не доведен до конца» [17, л. 20]. Как пояснял в своем апелляционном заявлении Еске, «причина неправильных показаний Штайна и его родственников заключается в том, что Штайна в 1931 и в 1932 г. <...> ошибочно обложили заданием хлеба, а потом лишили прав, вскоре я был восстановлен» [18, л. 144 об.]. Подобные показания давали и другие свидетели, однако в ходе судебного заседания от своих показаний отказались.

Второй сюжет обвинения связан с получением помощи из Германии. В показаниях М.А. Ахмулина указывалось, что помощь пришла после возвращения делегата Браткранца, тогда как в показаниях М.М. Штайна указана другая версия событий: «...к Еске М.И. из Германии приезжал и жил некто Генкель. После того, как я, работая председателем сельсовета, предложил участковому милиционеру Щербинину Алексею проверить документы гр. Генкель, последний сразу же после проверки выехал из деревни 2-й Николаевки в дер. Сергеевку к Бранту Эдмонт. После отъезда Генкеля в Германию стали жители деревни 1-й и 2-й Николаевки получать из Германии денежные переводы и посылки» [19, л. 21об.].

Что было в посылках? Здесь также нет однозначного ответа. В показаниях М.М. Штайна читаем: «...характерно, что был свидетелем, когда получили посылки Либерт Андрей и Еске Мануил, то в посылке находилось 10 кг простого размол пшеничной муки, 2 кг растительного масла, 3–4 печатки туалетного мыла и 2–3 кг ячменной крупы» [19, л. 21об.]. В показаниях Р.И. Гаака указано, «что в посылках посылались хлебные отруби, непригодные для пищи. <...> Получением подобных посылок старались клеветать, что население страны голодает, а вот Германия пострадавшим приходит на помощь» [20, л. 27об.]. Факт получения помощи в виде немецких марок подтверждается показаниями еще одного свидетеля: «...в году 1933–1934 Еске написал Генкелю письмо, содержание письма для меня неизвестно, и вскоре после этого письма из Германии в нашу деревню ряду лиц пришла германская марка, некоторые, в том числе и я, до сих пор не знаем, кто и как посылал эти марки» [21, л. 35]. В протоколе допроса, состоявшегося в ходе судебного заседания, Еске сообщал, что в посылке было немного ржаной муки, килограмм сахара и банка подсолнечного масла [22, л. 135]. Показания свидетелей о получении немецких марок и посылок жителями деревень 1-я и 2-я Николаевка, скорее всего, были правдой: по крайней мере М.И. Еске этого факта не отрицает даже после суда. Получение немецких марок от Германского посольства вполне предсказуемо было расценено как финансовая помощь для ведения контрреволюционной деятельности.

Третьим направлением расследования органов НКВД стало руководство М.И. Еске контрреволюционной баптистской группой.

Обвинения строились на основе допросов свидетелей, в частности М.М. Штайна: «Руководство религиозной баптистской организации Еске М.И. возглавил с 1929 года. Перед коллективизацией сельского хозяйства в сельсовете и районе в баптистскую организацию приехали представители, мне кажется, это было в 1929 году. Один из них был арестован и направлен в район, но почему то был освобожден. Приезжающие представители «баптистов» останавливались на квартире у Киност Августа и Еске Мануила Ивановича. По приезде представителей «баптистов», жители деревень 1-й и 2-й Николаевки справляли религиозные обряды. На подобных религиозных обрядах я лично также присутствовал. Содержание всех проведенных бесед при представителях баптистов, происходящих на квартирах Еске Мануила Ивановича и Киност Августа, было исключительно контрреволюционным, направленное против

партии и правительства. Про коллективизацию баптисты говорили: “Антихристы скоро вас буду вербовать в свою партию в ответ на это нам дана воля организовать свою баптистскую партию, которая сумела бы противопоставить себя антихристам. Антихристами баптисты называли коммунистическую партию” [17, л. 20-20 об.]. Показания свидетеля Г.К. Гаак со ссылкой на Штайна также указывали на Еске как руководителя баптистской группы: «Еске Мануил, являясь баптистом, у себя на квартире каждое воскресенье собирал народ якобы для моления, а на самом деле вел к/р разговоры, направленные на дискредитацию сов. власти. Я лично не слышал от него контрреволюционных разговоров, но от людей своей деревни слышал, что они от Еске Мануила слышали такие разговоры, что сов. власть – это наступление антихриста, а коммунисты – антихристы, эти разговоры я слышал от Штайна» [21, л. 35–35 об.].

На очной ставке Еске и Штайна, состоявшейся 12 июня 1939 года, Штайн сообщал: «Году в 1929–1930-м Еске М.И. вместе с приезжим представителем (не знаю, как его фамилия) приезжали ко мне на квартиру проводить собрание баптистской группы, призывали население не вступать в колхоз, что “наступает последний час и нам нужно объединиться”, т.е. последний час они называли период коллективизации» [23, л. 37]. В свою очередь Еске признал себя виновным в том, что «действительно состоял в религиозной баптистской группе и у меня на квартире действительно собирались члены баптистской группы, на этих сборах я говорил проповеди о божьем слове, но не контрреволюционным» [23, л. 37].

Как свидетельствовал на заседании суда Е.З. Корюгин, «баптисты собирались отдельно от лютеранской секты, в секте баптистов состояло примерно 10 домов» [22, л. 135 об.]. На суде Еске подтвердил, что принимал участие в молениях, но не признал их контрреволюционный характер, также отрицал руководство баптистской группой. В апелляционном заявлении Еске уже отрицал, что является баптистом, ссылаясь на показания свидетеля Корюгина: «Еске не баптист, потому что по религиозным обрядам баптистов нельзя ругаться, пить, курить и т.п., а Еске <...> это не соблюдал, он (Еске) вообще верующий Богу» [24, л. 144 об.]. Однако в протоколе судебного заседания таких показаний Корюгина зафиксировано не было.

Складывается впечатление, что сотрудники НКВД внимательно читали секретные сводки, приходящие по их линии, и делали пометки о возможном использовании этой информации в своей практике: дело антисоветской баптистской группы Щучье-Озерского района содержит основные сюжетные линии аналогичного дела 1936 года, раскрытого НКВД в Украинской ССР. В частности, в сводке 1936 года указано, что в совхозе им. Косиора (УССР, Одесская область) «ликвидирована к[онтр]р[еволюционная] фашистская группа, состоявшая из бывших кулаков и баптистов, преимущественно немцев.<...> Участники группы широко популяризировали идеи фашизма среди рабочих совхоза и проявляли террористические тенденции. Вместе с тем они проводили организованную работу в немецких национальных районах, призывая посылать заявления в Германию с просьбой оказания «гитлеровской помощи». <...> Участники группы устраивали нелегальные сборища, на которых обсуждали методы борьбы с советской властью. Одновременно они проводили среди рабочих совхоза к[онтр]р[еволюционную] фашистскую агитацию, восхваляя Гитлера и доказывая неизбежность поражения СССР в будущей войне с Германией и Японией. Участники группы высказывали террористические намерения в отношении руководителей партии и правительства. Группа получала “гитлеровскую помощь” и поддерживала связь с фашистской организацией в Германии “Братья в нужде”» [25].

Таким образом, анализ дела антисоветской баптистской группы позволяет расценивать данный казус как уникальный, поскольку в ходе следствия сотрудниками НКВД были испробованы, пожалуй, все возможные варианты обвинений: контрреволюционная деятельность, шпионаж, антисоветская агитация. В нем соединились и национальная линия – «немецкая операция», и «кулацкая опе-

рация» – отсутствие колхозов в немецких деревнях, и «сектантство» – принадлежность обвиняемых к баптистам. Поскольку «кулацкая операция», впрочем, как и национальные операции, была ко времени судебного заседания завершена, именно сектантство в конечном счете легло в основу приговора. И главным компрометирующим фактором для М.И. Еске, назначенного следователями НКВД главой антисоветской баптистской группы, стала его конфессиональная принадлежность.

Список литературы

1. Eric D. Wetz. Racial Politics without the Concept of Race: Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges // *Slavic Review*. – 2002. – Vol. 61, no. 1 (Spring, 2002). – P. 1–29.
2. Hirsch F. Race without the Practice of Racial Politics // *Slavic Review*. – 2002. – Vol. 61, no. 1 (Spring, 2002). – P. 30–43.
3. Lemon A. Without a "Concept"? Race as Discursive Practice // *Slavic Review*. – 2002. – Vol. 61, no. 1 (Spring, 2002). – P. 54–61.
4. Binner R., Bonwetsch B., Junge M. Massenmord und Lagerhaft. – Berlin: Akad.-Verl., 2009. – 821 s.
5. Савин А. И. Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // *Россия XXI*. – 2012. – № 3. – С. 40–61.
6. Шильберт Елена Юлисовна. Архивно-следственное дело // ПермГАСПИ (Пермский государственный архив социально-политической истории). Ф.641/1. Оп.1. Д. 3109.
7. Венцель Эвальт Максимович. Архивно-следственное дело // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.3381.
8. Еске Мануил Иванович. Архивно-следственное дело // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 6680.
9. Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г. Справочник. – М., 2002. – 479 с.
10. Вайман Д.И., Черных А.В. Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура в XX – начале XXI в. – СПб: Маматов, 2008. – 224 с.
11. База данных «Жертвы политических репрессий. Территория Пермского края 1918–1980-х гг.» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.permgaspi.ru/repress/> (дата обращения: 23.11.2020).
12. Справка от 7.07.1939 // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп.1. Д. 1498.
13. Дмитриев – Уповову от 23.06.1940 // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп.1. Д. 16638.
14. Протокол допроса свидетеля П.П. Лужбина от 21.10.1938 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6680.
15. Протокол допроса свидетеля Ахмулина М.А. от 19.10.1938 г. // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 6680.
16. Юнге М., Биннер Р. Справки сельсовета как фактор в осуждении крестьян // *Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина; Германский исторический институт в Москве*. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2009. – С. 613–623.
17. Протокол допроса свидетеля Штайн М.М. от 18.10.1938 // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 6680.
18. Заявление Еске М. в судебную коллегия по уголовным делам Молотовского суда от 29.03.1940 // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 6680.
19. Протокол допроса свидетеля Штайн М.М. от 18.10.1938 // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 6680.

20. Протокол допроса свидетеля Гаак Р.И. от 20.10.1938 // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 6680.
21. Протокол допроса свидетеля Гаак Г.К. от 08.06.1939 // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 6680.
22. Протокол судебного заседания от 29.03.1940 // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 6680.
23. Протокол очной ставки Еске М.И. и Штайн М.М. от 12.06.1939 // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 6680.
24. Заявление Еске М. в судебную коллегия по уголовным делам Молотовского суда от 29.03.1940 // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 6680.
25. Обзор раскрытых и ликвидированных контрреволюционных групп и организаций в зерновых и животноводческих совхозах, октябрь 1936 г. [Электронный ресурс] // Через трупы врага, на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. – URL: <http://istmat.info/node/59979> (дата обращения: 23.11.2020).

References

1. Eric D. Wetz. Racial Politics without the Concept of Race: Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges. *Slavic Review*, vol. 61, no. 1 (Spring, 2002), pp. 1-29.
2. Hirsch F. Race without the Practice of Racial Politics. *Slavic Review*, vol. 61, no. 1 (Spring, 2002), pp. 30-43.
3. Lemon A. Without a "Concept"? Race as Discursive Practice. *Slavic Review*, vol. 61, no. 1 (Spring, 2002), pp. 54-61.
4. Binner R., Bonwetsch B., Junge M. Massenmord und Lagerhaft. Berlin, Akad.-Verl., 2009, 821 s.
5. Savin A. I. Etnizatsiia stalinizma? «Natsional'nye» i «kulatskaia» operatsii NKVD: sravnitel'nyi aspekt [Ethnization of Stalinism? "National" and "kulak" operations of the NKVD: a comparative aspect]. *Rossiia XXI*, 2012, no 3, pp. 40-61.
6. Shil'bert Elena Iuliovna. Arkhivno-sledstvennoe delo [Schilbert Elena Iuliovna. Archival investigation]. *Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii*, f.641/1, op.1, d. 3109.
7. Ventsel' Eval't Maksimovich. Arkhivno-sledstvennoe delo [Wenzel Eval't Maksimovich. Archival investigation]. *PermGASPI*, f.641/1, op.1, d.3381.
8. Eske Manuil Ivanovich. Arkhivno-sledstvennoe delo [Eske Manuil Ivanovich. Archival investigation]. *PermGASPI*, f. 641/1, op.1, d. 6680.
9. Nemetskie naselennye punkty v SSSR do 1941 g. [German Settlements in the USSR Before 1941]. Spravochnik. Moscow, 2002, 479 p.
10. Vaiman D.I., Chernykh A.V. Nemetskie khutora Prikam'ia: istoriia i traditsionnaia kul'tura v XX - nachale XXI v. [German Farms in Prikamye: History and Traditional Culture in the XX - Early XXI Century]. Saint Petersburg, Mamatov, 2008, 224 p.
11. Baza dannykh «Zherty politicheskikh repressii. Territorii Permskogo kraia 1918–1980-kh gg» [Database "Victims of Political Repression. Territory of the Perm Region 1918–1980s.], available at: <https://www.permgaspi.ru/repress/> (accessed 23 November 2020).
12. Spravka ot 7.07.1939 [Letter of verification, 7 July 1939]. *PermGASPI*, f.641/1, op.1, d. 1498.
13. Dmitriev – Uporovu. 23.06.1940 [Dmitriev – Uporov. 23 June 1940]. *PermGASPI*, f.641/1, op.1, d. 16638.
14. Protokol doprosa svidetelia P.P. Luzhbina. 21.10.1938 [Protocol of Interrogation of Witness P.P. Luzhbin. 21 October 1938]. *PermGASPI*, f. 641/1, op. 1, d. 6680.
15. Protokol doprosa svidetelia Akhmulina M.A. 19.10.1938 [Protocol of Interrogation of Witness MA Akhmulin. 19 October 1938]. *PermGASPI*, f.641/1, op. 1, d. 6680.
16. Iunge M., Binner R. Spravki sel'soveta kak faktor v osuzhdenii krest'ian [References from the village council as a factor in the condemnation of peasants]. *Stalinizm v sovetskoi provintsii: 1937-1938 gg. Massovaia operatsiia na osnove prikaza № 00447*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina; Germanskii istoricheskii institut v Moskve, 2009, pp. 613-623.
17. Protokol doprosa svidetelia Shtain M.M. 18.10.1938 [Protocol of Interrogation of Witness M.M. Stein. 18 October 1938]. *PermGASPI*, f.641/1, op. 1, d. 6680.
18. Zaiavlenie Eske M. v sudebnuu kollegiiu po ugovnym delam Molotovskogo suda. 29.03.1940 [Eske M.'s Application to the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Molotov Court. 29 March 1940]. *PermGASPI*, f.641/1, op. 1, d. 6680.
19. Protokol doprosa svidetelia Shtain M.M. 18.10.1938 [Protocol of Interrogation of Witness M.M. Stein. 18 October 1938]. *PermGASPI*, f.641/1, op. 1, d. 6680.
20. Protokol doprosa svidetelia Gaak R. I. 20.10.1938 [Protocol of Interrogation of Witness R. I. Gaak. 20 October 1938]. *PermGASPI*, f.641/1, op. 1, d. 6680.
21. Protokol doprosa svidetelia Gaak G. K. 08.06.1939 [Protocol of Interrogation of Witness Gaak G.K. 8 June 1939]. *PermGASPI*, f.641/1, op. 1, d. 6680.
22. Protokol sudebnogo zasedaniia. 29.03.1940 [Protocol of the Court Session. 29 March 1940]. *PermGASPI*, f.641/1. op. 1, d. 6680.
23. Protokol ochnoi stavki Eske M.I. i Shtain M.M. 12.06.1939 [Protocol of Confrontation Eske M.I. and Stein M.M. 12 June 1939]. *PermGASPI*, f.641/1, op. 1, d. 6680.
24. Zaiavlenie Eske M. v sudebnuu kollegiiu po ugovnym delam Molotovskogo suda. 29.03.1940 [Eske M.'s Application to the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Molotov Court. 29 March 1940]. *PermGASPI*, f.641/1, op. 1, d. 6680.
25. Obzor raskrytykh i likvidirovannykh kontrevoliutsionnykh grupp i organizatsii v zernovykh i zhivotnovodcheskikh sovkhovakh, oktiabr' 1936 g. [Review of the disclosed and liquidated counter-revolutionary groups and organizations in grain and livestock farms, October 1936]. *Cherez trupy vruga, na blago naroda. «Kulatskaia operatsiia» v Ukrainsskoi SSR 1937-1941 gg.*, available at: <http://istmat.info/node/59979> (accessed 23 November 2020).